туризм

Клуб железнодорожных кинопутешествий

образ на экране

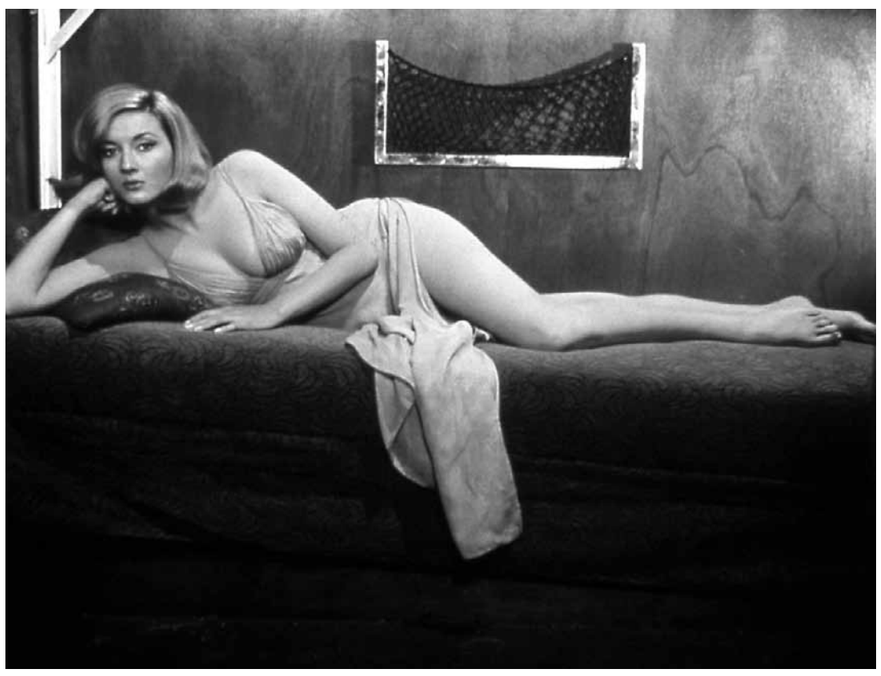
У кино и железных дорог прочная и почти мистическая связь. Собственно, кино и началось с того, что приехал поезд — именно это стало сюжетом одного из десяти 17-минутных фильмов Огюста и Луи Люмьеров, с показа которых в 1895 году принято отсчитывать историю мирового кинематографа. Дальше кино освоило и другие виды транспорта вплоть до звездолетов, но поезд никуда не делся.



Как известно любому эрудированному человеку, кино о железной дороге — самый старый жанр в кинематографе



Картину «Леди исчезает» Альфред Хичкок снял в 1938 году. К своему ужасу, режиссер дожил до ремейка 1979 года



Согласно фильму «Из России с любовью», верхнюю полку в Восточном экспрессе можно откинуть вместе с пассажиркой ФОТО ZUMA PRESS



В фильме Рязанова «Вокзал для двоих» впервые прозвучал афоризм «Сто грамм — не стоп-кран, дернешь — не остановишься» ФОТО ИТАР-ТАСС

Популярность железнодорожных сюжетов обусловлена самой жизнью. Обстановка железнодорожного путешествия уникальна: подобного сочетания обстоятельств до сих пор нельзя найти ни в какой другой обстановке. Во-первых, герметичность: из поезда, как правило, не выходят, пока он едет (исключения — отдельная тема). Во-вторых, почти неизбежный контакт с незнакомыми людьми. В-третьих, отсутствие необходимости заниматься насущными делами: они остались на платформе пункта отбытия и появятся лишь тогда, когда поезд остановится на станции назначения. Отели, самолеты, автомобили чем-то похожи, но там все же совсем другие правила. И разные интересные события разворачиваются там совсем не так интересно.

Начнем с того, что в поезде должно происходить что-нибудь ужасное. Например, как в фильмах Альфреда Хичкока, который не раз помещал своих героев в трясущиеся вагоны. Так, загадочно исчезнувшая пожилая леди, о которой почти все пассажиры говорят, что ее и не было вовсе, становится объектом увлекательных поисков, которые ведут герои Маргарет Локвуд и Майкла Редгрейва. Или знаменитые «Незнакомцы в поезде», где два главных героя решают обеспечить себе алиби, обменявшись уже запланированными убийствами. Сюда же, безусловно, отнесем и «Убийство в Восточном экспрессе» — блестяще экранизированный Сидни Люметом роман Агаты Кристи. Тут пассажиры застрявшего в балканских снегах роскошного состава невольно становятся коллективным следователем, которому нужно найти убийцу их несчастного попутчика-миллионера.

В отсутствие самолетов поезда, как практически единственное средство перевозки ценностей, почти обязательно становились объектом охоты бандитов практически в любом вестерне — тут нельзя не вспомнить гениальное начало «Однажды на Диком Западе» Сержио Леоне, где бандиты на жаре лениво ждут прибытия состава, а потом говорят незадачливому ковбою, что не у них лошади не хватает, а, напротив, у него одна лишняя, поскольку ему больше не понадобится, перед тем как нажать на курок. Собственно говоря, и один из самых ранних — 1903 года — вестернов назывался довольно незамысловато — «Великое ограбление поезда». Поскольку до того подобного не снимали, те 12 минут, которые шел этот фильм Эдвина С. Портера, вполне заслуженно вошли в историю.

Батальные сцены с поездами любили и в советском кино: без них трудно себе представить хоть один фильм о Гражданской войне. Здесь мы, разумеется, отметим «Неуловимых мстителей» и «Свой среди чужих, чужой среди своих». В последнем случае образ антисоветского ковбоя в аутентичной антисоветской шляпе со свойственной ему вальяжностью, но без свойственного ему патриотизма раскрывает Никита Михалков.

Более масштабные моменты завораживающего экшна относятся к более современной истории. Первая полнометражная версия фильма «Миссия невыполнима» заканчивается гонкой вертолета и поезда. Хотя финал и предсказуем: герой Тома Круза погибнуть никак не может, в отличие от героя Джона Войта, сама по себе сцена входит в число самых эффектных во всем современном кино (хотя в самом фильме есть моменты и еще эффектнее). И без поезда обойтись здесь ну никак не могло.

Если западное кино при помощи поездов скорее развлекало зрителя, то кино советское при помощи железнодорожной тематики ставило перед ним морально-нравственные вопросы. Там, где поезда не просто отправляли героев на фронт или далекие стройки, с поездами что-то происходило. Классика — знаменитая лента Вадима Абдрашитова «Остановился поезд». В ней машинист ценой собственной жизни предотвращает катастрофу, а оставшимся в живых приходится выяснять, кто виноват в его смерти. Настоящий советский фильм-катастрофа — «Поезд вне расписания». Здесь поезд, оставшийся без управления, несется по рельсам, а герои-пассажиры, рискуя жизнью, пытаются его остановить.

Впрочем, самый, пожалуй, трогательный образ поезда как в советском, так и в мировом кино никакой агрессии в себе не несет и никому ничем плохим не грозит. Это, разумеется, знаменитый «Паровозик из Ромашково», где поезд, собственно, и является главным героем. Этот самый паровозик (точнее, Паровозик) из-за своего непреодолимого жизнелюбия то и дело останавливался понюхать цветочки, полюбоваться лесом, послушать пение соловьев, а потому постоянно опаздывал, нарушал расписание, к тому же еще пел песенку, которую потом, заразившись жизнелюбием и любовью к природе, распевали все пассажиры: «Хорошо на свете! Солнышко, свети,/ Пожелай нам, ветер, доброго пути! / Доброго, доброго, доброго пути».

Продолжая эту тему, можно сказать, что совершенно не понятно, чем бы была история про Гарри Поттера, если бы она не началась с отъезда главного героя с платформы 9 ¾ лондонского вокзала King's Cross. Или чем бы был сам Лондон без Паддингтонского медведя, трогательного обитателя еще одного вокзала. Или как бы познакомился с Санта-Клаусом главный герой «Полярного экспресса». Вспомнив это, понимаешь, что без поездов в вымышленном мире кино было бы невообразимо меньше хорошего. Как, честно говоря, и в реальной жизни.

Юрий Яроцкий

прямая речь

Куда бы вы на поезде поехали?

(Окончание. Начало на стр. 25)

Ирина Салтыкова,
певица:
— Ради разнообразия я бы съездила куда-нибудь на поезде по южному направлению. Мне нравится солнце, а в этом направлении оно наверняка будет всю дорогу. Вообще, люблю комфортабельные поезда. Там можно очень хорошо отдохнуть, а главное, выспаться — под стук колес у меня это замечательно получается. Кроме того, поезда заставляют человека просто расслабиться: не надо никуда бежать, да и пробки движению не мешают.

Марк Захаров,
художественный руководитель театра «Ленком»:
— Поезд у меня всегда ассоциируется не с путешествиями, а с гастролями. Впрочем, если бы у меня была возможность железнодорожного путешествия, то я выбрал бы маршрут по просторам России, но не очень долгий. К сожалению, в последнее время на железнодорожном транспорте, и в частности на знаменитой «Красной стреле», меня стали раздражать меры безопасности. Там понавесили таких хитроумных замков, что и днем-то с ними не сразу разберешься, а уж ночью подавно. Мне не один раз приходилось просить проводника помочь разобраться с замками. Когда не можешь открыть дверь в свое купе, сразу возникает вопрос, а ждут ли тебя здесь, не чужой ли ты в этом вагоне. Хотя раньше никогда таких мыслей не возникало: проводники всех пассажиров встречали с улыбками, а сейчас улыбок я давно на их лицах не видел.

Александр Гафин,
член совета директоров Альфа-банка:
— В целях экономии времени я предпочитаю летать на самолетах, да и комфортность большинства наших вагонов оставляет желать лучшего. Но я слышал, что в последнее время появились вагоны повышенной комфортности — вот в таком вагоне я бы отправился путешествовать. Например, сначала долететь на самолете до Иркутска, а потом можно на поезде с комфортом вокруг озера Байкал. Правда, не уверен, что в ближайшем будущем это осуществимо, но, так или иначе, РЖД, на мой взгляд, в последнее время меняется в лучшую сторону.

Евгений Федоров,
председатель комитета Госдумы по экономической политике, предпринимательству и туризму:
— Я бы с удовольствием отправился на поезде «Золотой орел» через всю страну на Восток. Я был на его открытии, и мне он показался очень удобным и современным. В таком поезде и долгая дорога не помеха. Как представлю, что можно будет за одну поездку налюбоваться красотами России, так сразу тянет купить билет и отправиться в путешествие. К сожалению, с моим графиком работы, боюсь, мне это удастся не скоро.

Юрий Шевчук,
лидер группы «ДДТ»:
— Никуда. Конечно, дорога, в том числе и железная, занимает большое место в моей жизни, но это все больше по работе, а отдыхать я предпочитаю на своем диване. Да и поезда у нас оставляют желать лучшего, особенно на южном направлении, где иногда ни кондиционеров, ни нормальных условий нет. Жара, духота, проводницы хамят — думаю, что в фашистских душегубках было приятнее. Кстати, о проводницах. Както наш гитарист, тихий, скромный питерский интеллигент, робко попросил: «Извините, а можно чаю?» «Хотите чаю — летайте самолетами „Аэрофлота"»,— был ему ответ. Так что сервис часто тоже не ахти. Впрочем, хорошего тоже хватает, но его меньше, чем плохого.

Давид Якобашвили,
председатель совета директоров компании «Вимм-Билль-Данн»:
— Из Москвы в Санкт-Петербург на «Красной стреле». Это мой любимый маршрут с детства. Воспоминаний море! Помню, когда был маленький, то для обогрева использовали специальные печки, а по вагонам разносили чай. Потом, годах в 70-х, всегда очень весело отмечали каждое путешествие из Москвы в Ленинград. Сразу с друзьями шли в вагон-ресторан, где покупали горячительные напитки и закуску. А сколько любовных моментов было связано с этим поездом! Помню один раз ехал в Петербург в жуткую стужу, но спасло меня общество прекрасных дам и обилие водки на столе.



Максим Буйлов

Корреспондент «Ъ-Туризм»

Поездка под градусом

Я пять лет проработал на железной дороге. Наверное, это неважно, но, с другой стороны, даже спустя десять лет я чувствую некую причастность ко всему связанному с перемещением грузов и людей по рельсам. У каждого свои литературные ассоциации с железной дорогой — у меня это, конечно, «Москва—Петушки» Венедикта Ерофеева.

Признаться, мне было интересно повторить путь героя бессмертной поэмы, материализовавшегося на Савеловском вокзале со стаканом «Зубровки». Я так не могу, поэтому до начала путешествия мне пришлось добираться обычным способом. Символично: чтобы попасть на Савеловский вокзал мне надо пройти мимо площади Борьбы, где установлены памятники Веничке Ерофееву, прижимающему к груди портфельчик, которому только предстоит стать тяжеленьким, и его Белокурой Стерве.

Эта скульптурная группа появилась здесь в конце 1998 года, когда с помпой праздновалось 60-летие Венедикта Ерофеева. Чтобы показать всенародную любовь к нему, была отряжена специальная электричка, проследовавшая без остановок с Курского вокзала до Петушков и обратно. На вокзале в Москве планировалось установить памятник Веничке, а в Петушках — его Белокурой Стерве. Должен заметить, что решение не выпускать празднующих на промежуточных станциях было абсолютно разумным. Поскольку атмосфера в этом экспрессе имени «беззаветной любви к алкоголю» была столь непринужденной, что некоторые особо увлекшиеся любители литературы не «дожили» даже до станции Храпуново. А после возвращения выяснилось, что вроде бы установку памятника на перроне согласовать не удалось. Без этого оставлять вторую его часть в Петушках не было смысла, и обе фигуры по-тихому поставили на площади Борьбы.

С первыми трудностями моя попытка повторить путешествие Венички столкнулась на Савеловском вокзале. Найти там «Зубровку» оказалось решительно невозможно. Johnny Walker Blue Label за 10 тыс. рублей — пожалуйста, а «Зубровка» — нет. «Зубровку» мне удалось отыскать только на «Менделеевской». Там же я обнаружил и «Охотничью», два стакана которой он выпил уже на улице Чехова (ныне Малая Дмитровка), и «Кубанскую» с «Российской», которые главный герой поэмы взял с собой в электричку. Из его списка только «Жигулевское», пару кружек которого Веничка выпил на Каляевской улице (ныне Долгоруковская), в Москве продается повсеместно. Самые большие трудности возникли с «Кориандровой» и «Альб-де-дессерт». Первую перестали производить, по всей видимости, из-за обнаруженного Веничкой антигуманного воздействия. А второе, будучи молдавским белым десертным вином (спирт — 15–17%, сахар — 14–16%), попало в опалу и решительно отсутствует как на прилавках, так и под ними.

Таким образом, чтобы дойти до Садового кольца в одном градусе с главным героем поэмы, мне пришлось бы искать замену этим двум напиткам. На мой взгляд, все горькие настойки действуют одинаково антигуманно — к этому выводу я пришел эмпирически, употребив как-то чрезмерное количество «Имбирной» настойки и похмелившись на следующий день «Стрелецкой». Поэтому я счел «Зверобой» достойной заменой «Кориандровой». Что же касается «Альб-де-дессерт», то его может заменить белый крымский портвейн, в изобилии продающийся в Москве.

Что именно пил Веничка, пересекая Садовое кольцо, не знает никто, включая его самого. Но я знаю, что он пил бы там в наше время. Под Садовым кольцом в районе бывшей улицы Чехова есть подземный переход, в начале и конце которого продается пиво. Жигулевского там, правда, нет, но есть выбор пива крепких сортов, которые могли бы заинтересовать героя поэмы.

Должен признаться, что, реально оценивая свои силы, я не стал дословно следовать инструкциям Венички по употреблению алкоголя на марше, ведь я не собирался ночевать в подъезде. Впрочем, на Курский вокзал я прибыл хоть и трезвый, но с фляжкой водки в кармане. Херес, которого Веничке не дали в привокзальном буфете, я разыскать честно попытался, но не преуспел. Не удалось мне найти и «Крепкого розового» (19% спирта, 3% сахара), которое нужно для приготовления коктейля «Поцелуй тети Клавы». По определению автора, он «невзрачен по вкусовым качествам, он в высшей степени тошнотворен, им уместнее поливать фикус, чем пить его из горлышка». А поскольку я был лишен возможности его попробовать, то почувствовал облегчение и купил билет до Петушков и обратно.

Как писал Венедикт Ерофеев, «на Петушинской ветке контролеров никто не боится, потому что все без билета. Если какой-нибудь отщепенец спьяну и купит билет, так ему, конечно, неудобно, когда идут контролеры». Так вот, те времена прошли. У меня дача по этому направлению, и я точно знаю, что порядок, который установил старший ревизор Семеныч,— грамм за километр — больше не действует. Кроме того, по всей Москве для прохода на электричку установили турникеты. Я знаю три способа их преодоления — купить билет, выпросить билет «туда-обратно» у пассажира, выходящего с перрона, и перепрыгнуть через турникет. Несмотря на популярность двух последних способов, я предпочитаю первый.

Сев в электричку Москва—Петушки, я обнаружил, что здесь пьют исключительно пиво и алкогольные коктейли, химический состав которых намного сложнее, чем коктейлей «Слеза комсомолки» или «Ханаанский бальзам». Как и положено последователю Венички, впервые отхлебнул из своей фляжки, на перегоне Серп и молот—Карачарово. Мне всегда было интересно, действительно ли Венедикт Ерофеев написал после фразы «и немедленно выпил» полторы страницы чистейшего мата. Но в вагоне обсудить это было явно не с кем. Среди серой массы пассажиров выделялась пара с энергетическими напитками — голубоватый парень и помятая девушка. Где-то до Реутова меня забавляли рассуждения молодого человека о том, что его работа (продавца в бутике) крайне творческая и нервная, а менеджер — дура. После Кучина эта нескончаемая история начала меня раздражать, а ближе к Железнодорожной я не выдержал и перешел в другой вагон, благо электричка была практически пуста. В районе станции Черное до моего вагона добрались многочисленные продавцы ненужных вещей. Следующие 20 минут были заполнены криками о чудо-вешалках, разноцветных ручках и всевозможной печатной продукции. В районе станции 33-й километр поток продавцов схлынул, но через вагон по ходу движения потянулся ручеек пассажиров, переросший к станции 43-й километр в полноводную реку. Контролеры! Электричка остановилась на станции Храпуново, в вагон вошли контролеры, и тут огромная людская толпа бросилась по перрону от второго вагона в сторону четвертого. Наверное, так выглядит миграция лосося вверх по реке во время нереста.

Я стал подумывать о переходе в четвертый вагон, чтобы влиться в толпу зайцев, спасшихся от контролеров, и ощутить восторг победителя, но обнаружил, что теперь это решительно невозможно. Дело в том, что выпитые моими недальновидными соплеменниками пиво и коктейли дали о себе знать, и тамбуры между вагонами оказались заблокированы. Поняв, что выхода нет, я решил всерьез заняться своей фляжкой. В конце концов, я подъезжаю к Павловскому Посаду, а все еще неприлично трезв. В то время как Веничка, приближаясь к этой станции, уже вместе со всем вагоном пил «за орловского дворянина Ивана Тургенева, гражданина прекрасной Франции!». К Орехово-Зуеву я разобрался с фляжкой, настроение мое стало стремительно улучшаться, и к концу пути я уже не сомневался в том, что «Петушки — это место, где не умолкают птицы ни днем, ни ночью, где ни зимой ни летом не отцветает жасмин...». Первородный грех — может, он и был — там никого не тяготит. Там даже у тех, кто не просыхает по неделям, взгляд бездонен и ясен...».